

Предисловие первое

ОТ БЛАГОДАРНОГО УЧЕНИКА

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается весьма необычная книга. Увидев имя автора, В.Ф. Яковлева, логично предположить, что речь пойдет о правовом государстве, гражданско-правовом методе регулирования общественных отношений, развитии законодательства (прежде всего гражданского), судебной системе и т.п. Ведь ее надиктовал знаменитый российский правовед и государственный деятель, министр юстиции СССР, советник трех президентов, один из авторов Конституции Российской Федерации, человек, стоявший у истоков системы арбитражных судов и длительное время возглавлявший Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Председатель Совета Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. Но в этой книге мы видим не официальное лицо, а ЧЕЛОВЕКА, каким его знали близкие люди, коллеги, друзья, слушатели. Читая ее, вы замечаете и умение анализировать, и высочайший профессиональный уровень, и способности организатора, и т.д. Но на первый план выступает все-таки талант рассказчика. Рассказывает ли автор о том, почему он решил стать юристом или о 1 сентября 1949 года, когда перед студентами первого курса выступал молодой аспирант С. Алексеев, или о туристских походах, в его повествовании всегда есть интрига и динамика. Плюс прекрасный русский язык, так что даже литературная обработка кажется излишней.

Я слушал много историй из уст Вениамина Федоровича. Любопытно, что по существу многие из них отнюдь не веселые.

Но благодаря юмору, иронии, и доброте к персонажам они звучали жизнеутверждающе. При этом речь его была лишена пафоса, какой-либо театральности. Но это был ТЕАТР.

Он умел подшутить. Как-то в г. Екатеринбурге, предоставляя ему слово для выступления, я сделал оговорку: дескать, не рискуя перечислять все титулы. По пути к трибуне Вениамин Федорович вроде как про себя, но громко проворчал: «А мог бы попробовать назвать хотя бы некоторые...». Через год-два в аналогичной ситуации я попробовал. Яковлев в той же манере известил аудиторию: осталось забытым, что он заведующий кафедрой, членкор РАН и еще что-то.

Разумеется, профессору Яковлеву приходилось очень часто читать лекции и доклады, произносить речи, вести совещания и конференции. Он тщательно готовился, набрасывал тезисы, но при этом неизменно легко реагировал на внештатные ситуации. Помнится, я как-то публично заявил, что не стоит недооценивать юристов, обслуживающих криминальные и подобные им структуры; очень часто они очень грамотны, благо, что оплата неплохая... Вениамин Федорович, председательствующий на заседании, тут же возразил: грамотный хороший юрист служит закону и справедливости.

Как-то, выступая оппонентом по докторской диссертации, где соискателем был довольно молодой исследователь, Яковлев поведал присутствующим, что ранее, читая работы автора, он представлял себе человека, умудренного жизненным опытом. Вывод был примерно таким: изучив диссертацию и увидев написавшего ее, можно констатировать, что «работа гораздо более зрелая, нежели ее автор» (отзыв был положительным и весьма благожелательным).

Когда я защищал кандидатскую, первый оппонент не смог прилететь, но прислал отзыв, и потому наряду с двумя оппонентами, указанными в автореферате, был назначен еще один. По счастью, им стал В.Ф. Яковлев. При защите мной докторской в конце девяностых предполагалось, что он будет официальным оппонентом. Когда я привез экземпляр работы Вениамину Федоровичу, он, явно смущаясь, объяснил, что вчера был избран членом Президиума ВАК и потому никак не может быть моим оппонентом. Им согласился стать С.С. Алексеев. Поэтому в библиотеках сейчас немало авторефератов моей диссертации,

в которых среди оппонентов значится В.Ф. Яковлев, и авторефератов, где в соответствующем месте указан С.С. Алексеев (юристы меня поймут!).

Сегодня, помня о заслугах В.Ф. Яковлева перед государством и обществом, все же (слава Богу!) вспоминается и то, как, читая лекции по гражданскому праву в Свердловском юридическом институте, он сравнивал гражданское право со всем известной отраслью права и говорил, что вторая отрасль чрезвычайно важна, потому что «она примерно как Аральское море, а гражданское право — как Черное». Не забыть, как на тех же лекциях Вениамин Федорович иллюстрировал теоретические положения примерами «из жизни» Остапа Бендера, Кисы Воробьянинова, Шуры Балаганова и подобных им «героев» русской литературы, а также настоящих героев.

Вениамин Федорович как рассказчик очень интересен. И потому не сомневаюсь, что книга, предлагаемая вниманию уважаемого читателя, будет востребована; она понравится. И мы узнаем много нового об этом замечательном человеке.

*Б.М. Гонгало,
доктор юридических наук, профессор*

Предисловие второе

«МЫ С ВАМИ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАКОНЧИМ НАШ КОЛОССАЛЬНЫЙ ТРУД»

— Вениамин Федорович, а красивый женский плащ на вешалке, наверное, вашей жены?

Вопрос давно вертелся у меня на языке. Пятый месяц по вторникам я приходила для трехчасового интервью в кабинет Вениамина Федоровича Яковлева на Старой площади, а элегантный микс крылатки с епанчой всю осень, зиму и весну постоянно висел в коридорчике за кабинетом.

— Какой женский плащ?

— Ну черный, с вышивкой...

— Черный? С вышивкой?

Хозяин кабинета посмотрел на меня с изумлением: «Это, Лиля, не плащ. Это моя судейская мантия».

Я смутилась. Мой собеседник хмыкнул, покрутил головой, еще раз хмыкнул и вдруг расхохотался. Я радостно присоединилась. Наше веселье наверняка было слышно в секретарской, но вряд ли кого-то удивило. В своем торжественном возрасте и высокогорном статусе Вениамин Федорович был молодо и несановно смешлив. Я вообще не помню его лица без улыбки.

Но не только поэтому мне хотелось длить и длить наши беседы. Каждое интервью запускало в моем мозгу тектонические процессы. Увиденные с недоступного мне ракурса события меняли свою форму и содержание. О самых сложных вопросах и проблемах законодательства и права этот человек говорил так, что они казались простыми и ясными.

Но главным его человеческим талантом были невероятная доброжелательность и деликатность в общении. Кто был он? Патриарх отечественной юриспруденции, создатель и первый председатель арбитражного суда, соавтор современного Гражданского кодекса России и т.д., и т.п. (всего, что сделал этот незаурядный человек, чтобы на мертвом поле советской правовой системы выросло что-то приличное, не перечислить). Кто была я? Журналистка, способная спутать судейскую мантию с женским плащом. Но с ним я чувствовала себя не приложением к диктофону, а полноценным собеседником.

Находить в любом человеке что-то хорошее и всегда обращаться к лучшему в нем было жизненным принципом Вениамина Федоровича. Я мало встречала людей, которые так дорожили дружбой. Мне довелось побывать во многих серьезных кабинетах. На столах иногда стояли снимки. Жен и детей — к посетителю изнанкой, VIP-персон в обнимку с хозяином — парадной стороной. За стеклами кабинетных шкафов напротив кресла Вениамина Федоровича стояли фотографии друзей...

В мае 2018 наши встречи прервались. Последнее, что сказал мне мой собеседник по телефону из больницы: «Мы с вами обязательно закончим наш колоссальный труд». И больше всего мне хотелось бы, чтобы так и случилось. Я не про «закончим». Я — про «мы с вами».

*Лилия Гущина,
литератор, журналист, гострайтер*

Глава первая

ЕЛЬЦИН, ГОРБАЧЁВ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ

«НУ, Я И НАЛАДИЛ...»

Осенью 1992 года я попросился на прием к Ельцину решить квартирный вопрос. Новорожденный арбитражный суд России сидел хоть и в центре города, но в совершенно убитом помещении. Такое солидное учреждение и среди такой рухляди, в чем дело-то? Замы мне объяснили, что им многократно предлагали прекрасные здания, но начальник не хотел никуда уезжать, потому что ходил обедать в Кремль. Ему было удобно: пересек площадь — и ты в кремлевской столовой.

Когда я поднимался по лестнице с шаткими перилами на пятый этаж в кабинет, носок обуви застревал в щелях. Из-под лестницы пахло мочой — народ, набегавшись по магазинам и музеям, справлял там нужду. Кабинет тоже был аховый. Как-то приехал председатель казахстанского арбитражного суда Иван Алексеевич Тетёркин. В республиках тогда начали создавать коммерческие суды по российскому образцу, и он привез проект соглашения о сотрудничестве. Сажу за столом, читаю и вдруг слышу его шепот: «Это что? Что это?!». Поднимаю голову: Иван Алексеевич показывает пальцем в угол. А там мышонок, симпатичный, серенький, пушистый. Сидит, разглядывает чужака. Мы с ним познакомились и подружились в первый день — он вылез и принялся бесстрашно гулять по кабинету. Совершенно милое существо. Отвечаю коллеге — это мышонок, он здесь живет, я его подкармливаю...

Байкой о мышонке развлекать президента я не стал. Вместо этого произнес речь, что судам следует сидеть не в хижинах, а во

дворцах, потому что правосудие обязано вызывать уважение, а если суд ютится в сарае, значит, государство не уважает суды, а если государство не уважает суды, почему граждане должны их уважать. Вручил ходатайство. Ельцин тут же написал резолюцию Чубайсу, тогда главе Госкомимущества, *«обеспечить и доложить!»* и поинтересовался, как вообще идут дела.

Вообще-то дела шли замечательно — мы меньше чем за год создали всю систему арбитражных судов. До президента эта информация почему-то не доходила, и он страшно обрадовался: вокруг все рушилось, неприятностей у него были горы, а хорошего — с гулькин нос...

Борис Николаевич отчаянно любил власть, и вот она у него в руках, а дальше что? А дальше — масса проблем, их надо было решать, и решать именно ему как первому лицу. Власть — это ведь не народ под трибуной и эскорт с мигалками, власть — это когда ты отвечаешь за все. И жизнь тебе это очень быстро объясняет. Горбачёв ушел, снял с себя бремя и остался человеком, который начал перестройку, дальше у него только были книги, воспоминания, выступления. А Ельцину пришлось осмысливать и расхлебывать то, что они натворили сообща, пожинать плоды посеянной бури. Вначале он ломал, теперь надо было строить, выбираться из тяжелого положения, в которое мы попали в результате реформ. СССР разрушили, а как быть с людьми, как быть с производством, которое держалось на общей кровеносной системе пятнадцати республик? Нет единого государства, есть отдельные страны, со своими правительствами, со своими интересами, со своим «я». И им уже ничего не прикажешь. Все принялись прикидывать — вот это мое, это мое, а вот это — нет, это не мое, и почему, скажите на милость, мы должны обеспечивать вас чем-то? Исчезли координирующие структуры, и политический развал обернулся экономическим.

Например, «Уралмаш». Он снабжал экскаваторами всю страну, но у него было огромное количество поставщиков по всему Союзу. Отсутствует какой-то пустяк, деталь — и экскаватор с конвейера не сойдет. Или Белоруссия, которая не имела сырьевых ресурсов, но была сборочным цехом — она делала самые популярные тракторы — БелАЗы. При этом все остальное — металл, заготовки, моторы, колеса — отовсюду привозилось в Белоруссию

и там монтировалось. Что-то не поставили на завод — и привет! Для меня до сих пор загадка, как мы вообще этот период пережили. Было много шансов улететь в тартарары. Если бы вслед за государством разрушили и экономические связи, мы просто умерли бы с голоду, коллективно ушли на тот свет. Выжили только за счет того, что сохранили экономический оборот — у лидеров хватило мудрости не ставить политику выше экономики. Но выжили с трудом. Ничего тяжелее первых лет после распада СССР невозможно себе представить. Безработица, талоны, пустые прилавки, остановленные предприятия и т.д. Ельцину пришлось несладко. Да, несладко. Ему не позавидуешь. А тут вдруг созидание — стремительно сформирована новая система судов, казалось бы, на пустом месте. И всюду уже работает. Хотя должен признаться, что такая стремительность — заслуга не одних юристов, но и переломного времени. Сегодня подобное невозможно, все утонет в бесконечных согласованиях, а тогда этого не было, потому что союзный бюрократ уже ушел, а российский еще не сформировался, и его отсутствие позволяло работать быстро.

Настроение у Бориса Николаевича заметно улучшилось. Он расчувствовался, ему захотелось душевно пообщаться, к чему я, откровенно говоря, был не очень готов:

«...Вот живу здесь, в Москве... Меня же брали сюда секретарем ЦК по строительству. Я согласился перейти, потому что это мое дело, я его хорошо знаю, я по специальности строитель. А Горбачёв взял и назначил первым секретарем московского горкома партии. Я сначала недоумевал — зачем на Москву ставить? После догадался: горком состоял из крупных партийцев, и они были слишком самостоятельные. Он решил с моей помощью ослабить эту когорту, укомплектовать новыми людьми. Короче, наладить работу...»

По-хозяйски оглядел бывший горбачёвский кабинет: «Ну, я и наладил!».

Потом внезапно расслабился: «Да-а... вроде все получилось неплохо, все сложилось, занимаю высший пост. Что еще желать? А ночью проснусь и думаю — до чего же хорошо работалось в Свердловске. Не то что в Москве».

И он начал вспоминать свердловские времена с нескрываемой завистью к своему прошлому. Я его понимал. Здесь ему

постоянно приходилось бороться, а в Свердловске его любили. Он привлекал людей: рослый, статный, над всеми возвышался. Такой сибирский богатырь. Даже не сибирский, а уральский. Уральцы и сибиряки почти одно и то же, но не совсем. Я, например, себя считаю больше сибиряком, чем уральцем: село Староберезово Курганской области, где я родился, находится как раз на стыке Урала и Сибири. Сибиряки проще, у них широкая, как сама Сибирь, душа, уральцы более деловые.

В Свердловске я однажды присутствовал на встрече Ельцина со студентами. Было страшно интересно. За месяц до этого мероприятия во все вузы привезли урны для вопросов. Студенты заваливали их записками. О чем они спрашивали — одному богу известно. Руководство жило в тревоге и напряжении: ящики опломбированные, не проверишь, не проконтролируешь. Регулярно урны опорожняли, мешки с записками увозили, ящики опять опечатывали.

Сама встреча длилась около пяти часов. Ельцин на сцене был один и отвечал на вопросы честно.

— *«Борис Николаевич, ботинки-то на вас, поди, итальянские...»*. — *«Кто написал записку? Подойди, посмотри»*, — и поднял ногу, демонстрируя подошву с клеем «Уралобувь».

— *«На столовые жалуетесь?.. Я учился в послевоенном вузе. Какое у нас там было питание? Точно хуже, чем сейчас. И никто не жаловался. Молодые, голодные, аппетит отменный, съедали все, что давали. Еще и не хватало. Но я решил все же проверить, так ли это. Думаю, съезжу-ка без предупреждения в какую-нибудь столовую, посмотрю. Например, в институт сельского хозяйства. Ну, ежели и там плохо кормят!.. Приехал. Зашел. Попросил покормить. Покормили совсем неплохо. Почему меня прилично покормили? Они и студентов так кормят? Или все ж пронюхали о визите? И тогда я подумал — если здесь за одну ночь из плохой столовой сделали хорошую, то дадим мы месяц всем студенческим столовым на исправление. Исправились?»*.

— *«Да-а-а!!!»*.

Когда Ельцин закончил, ему устроили такую овацию, какой я никогда не видел. Только в кино. Казалось бы, все, устали, отбили руки, аплодисменты стихают — и вдруг снова взрыв. Я даже подумал — спятили они, что ли?